

ФІЛОСОФІЯ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

Аулис Аарньо

Университет Тампере (Финляндия)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАКОНОВ

Несколько мыслей о теоретической и практической юридической науке

(Перевод за працюю: *Aulis Aarnio. The Systematisation and Interpretation of Statutes. Some Thoughts on Theoretical and Practical Legal Science*)

1. Вместо введения

Я начну с различения трех понятий, нужных для понимания темы. Во-первых, это понятие метода, во-вторых, характеристика того, что будет пониматься под юридической наукой (а именно, юридической догматикой или «*Rechtsdogmatik*») и, в-третьих, разъяснение метода дискурса, принятого в этой статье.

1.1. Некоторые базовые понятия

В связи с естествознанием, например, слово «метод» относится к группе понятий, выводов и норм, при помощи которых становится возможным собирать данные, обрабатывать их, выдвигать детерминирующие гипотезы, проверять их и записывать полученные результаты. Огрубляя ситуацию, метод в этом смысле является «установлением исчисления», которое гарантирует результат после того, как соответствующие факты напитают систему.

Метод юридической науки не является и не может быть таковым. Как говорил мой учитель Аатос Аланен (Aatos Alanen), юридическое мышление – не математика. Подчеркивая эту мысль, Аланен хотел привлечь внимание к тому факту, что юридическое мышление (как в случаях интерпретации или практического применения норм), не является механическим процессом, который подчиняется однозначным правилам. Образно говоря, это дело взвешивания и балансирования.

Если принимать в расчет это замечание (как и должно быть, по моему мнению), метод юридической науки выглядит скорее точкой зрения правосудия, чем простой системой исчисления. Степень, до которой эта точка зрения может быть определена, станет очевидной позже. Пока достаточно повторить основное заявление: так называемый метод

юридического мышления не тождествен методам естествознания или технического исследования.

Философски говоря, это различие сводится к широко обсуждаемой проблеме «двух культур». Лорд Чарльз Перси Сноу еще в 1959 выступил с заявлением о том, что «научные культуры гуманитарных дисциплин и естествознания настолько разошлись друг от друга, что между ними все расширяется пропасть непонимания»¹. Этим комментарием Сноу инициировал размышления ученых о том, существует ли такая пропасть, и если существует, то чем она может быть заполнена.

Я полагаю, что это различие может быть отчасти прояснено тем способом, который сформулировал Георг-Хенрик фон Вригт². Он проводит методологическое разделение между естествознанием и гуманитарными науками, «*Naturwissenschaften*» и «*Geisteswissenschaften*», на том основании, что естествознание *объясняет* явления, тогда как гуманитарные науки *интерпретируют* и *понимают* дела и события. Таким образом, гуманитарные дисциплины можно с полным основанием назвать «гуманитарными науками»³.

В этом пункте позвольте и мне раскрыть мои методологические карты. Я связываю юридическую науку с семейством гуманитарных дисциплин следующим способом: юридическая наука не объясняет, а интерпретирует, и таким образом имеет дисциплинарные связи, например, с исто-

¹ E. Saarenheimo (ed.), *Aikanime kaksi kulttuuria. Hummistisen ja liionnontieteellisen kulttuurin välistä rajankäyntiä* (Две культуры нашего времени. Определение междисциплинарных границ между культурами гуманитариев и натуралистов), Porvoo, 1967, 5 и 138 ff.

² G.-H. von Wright, *Explanation and Understanding*. New York, 1971.

³ M. Juntunen and L. Mehtonen, *Ihmistieteiden filosofiset perusteet* (Философские основания гуманитарных наук), Jyväskylä, 1977.

рическим и литературным исследованием. Одновременно юридическая наука на ее самом глубинном уровне является социальной наукой, хотя ее точка контакта с эмпирическими социальными науками проблематична¹. Но я пока оставляю эти семейные связи с социальной наукой, и возвращаюсь к юридической науке.

1.2. О юридической науке

Понятие юридической науки неоднозначно. Оно охватывает несколько специализированных областей, которые являются отчасти независимыми и отчасти взаимозависимыми, а именно юридическая догматика, социология права, сравнительная юриспруденция и история права. Кроме того, часто говорят о теории права как о самостоятельной области исследований. Поэтому более правильным было бы говорить о юридических науках во множественном числе².

Наиболее старой из них, и вероятно наиболее значимой для практики в континентальной Европе, является юридическая догматика. Традиционно ее задачи были определены как (1) интерпретация содержания законов и (2) систематизация юридических норм. Первая задача имеет практическую нацеленность, а вторая связана с теоретическим измерением юридической науки. По причинам, к объяснению которых я вернусь позже, я говорю о практической и теоретической юридической науке. Каждая из них имеет свои собственные методы, но, тем не менее, они находятся во взаимодействии друг с другом³.

При рассмотрении истории права очевидно, что практические и теоретические акценты в юридической науке постоянно изменяются под воздействием обстоятельств и запросов каждого общества. Конечно, так было и в случае Финляндии, на социально-правовую историю которой я буду ссылаться в следующих секциях данной статьи.

Характерными особенностями финского юридического мышления, начиная с последней части периода автономии, а именно приблизительно с 1880 года и до конца Второй Мировой войны,

¹ Подробнее см. А. Аарньо, «Onko oikeustiede yhteiskuntatiede?» (Является ли юридическая наука социальной наукой?), *Lakimies*, 1993, р. 492 ff.; id., «Yksilö ja yhteiskunta. Oikeusfilosofin näkökulma» (Индивидуум и общество. Взгляд философа права) в: *Mutta missä on yhteiskunta? (Но где общество?) Festschrift for Kauko Pietilä, S. Hakala, K. Sondermann and T. Uusitupa (eds.)*, Tampere, 1996, 109 ff.

² Id., *Laintulkinnan teoria* (Теория юридической интерпретации), Helsinki, 1989, 47 ff.

³ Id., *ibid.*, 302 ff.

были, с одной стороны, *легализм*, и, с другой стороны, *конструктивизм*, связанный с легализмом. Под первым я имею в виду установку на закон и на значение законодателя как на первичный источник юрисдикции, которая подчеркивает буквальную интерпретацию закона и таким образом отказывается принимать гибкое применение закона. Конструктивизм, с другой стороны, подчеркивает значение понятий в юридическом мышлении. Он был воплощен в немецком понимании концептуальной юридической догматики («*Begriffsjurisprudenz*»), которое было привнесено в Финляндию в 1880-е Робертом Монтомери (Robert Montgomery). Его влияние в финском гражданском, уголовном и процессуальном праве стало ослабевать только в 1930-х годах⁴.

1.3. Точка зрения

В указании отправных точек для того способа мышления, который я представляю, нужно упомянуть еще о двух вещах.

Я получал юридическое образование, специализируясь в пределах общей дисциплины гражданского права, но уже в на ранних стадиях мои преподаватели Матти Ылүстало (Matti Ylöstalo) и Симо Циттинг (Simo Zitting) направили мой интерес к наследственному праву и, соответственно, к праву семейной собственности. Эта ориентация позднее повлияла на мой способ понимания фундаментальных вопросов юридического мышления.

Финское наследственное право, подобно праву собственности и обязательственному праву, находилось под сильным влиянием концептуальной юридической догматики фактически до конца 1950-х. Урегулирование вопросов финского права наследования⁵ было определено классическими спорами немецкого наследственного права, типа того, является ли состояние умершего (a defunct) независимым юридическим институтом, является ли право наследника на совладение делимым или неделимым, и является ли доля наследника в состоянии неизменной либо изменяемой.

С другой стороны, после Второй Мировой войны Финляндия быстро начала эволюциони-

⁴ Его же, «Suomalaisen oikeusteorian kehityspiirteita» (Особенности развития финской теории права), *Lakimies*, 1973, 339 ff. Более широко о развитии концептуальной юридической догматики в Финляндии см. Н.Т. Клами, *Oikeustaistelijat* (Легалисты), Porvoo, 1977, 66 ff., особенно 77 ff.

⁵ А. Аарньо, *Perillisen oikeusasemista* (О правовом статусе наследника), Porvoo, 1967, 23 ff. and 88 ff.

ровать от аграрного общества к современному индустриальному, а затем и к постиндустриальному обществу. Изменения происходили настолько быстро, что в 1950-х и 1960-х годах Финляндия была среди наиболее быстро изменяющихся стран мира. Этот динамизм не мог не повлиять на юридическое мышление и появление новых проблем в юридической догматике.

Изменения в гражданском праве было предсказаны уже между 1920-ми и 1930-ми годами некоторыми финскими шведско-язычными правоведом, например, Эриком Хольстрёмом (Eric af Hällström). Однако, предсказанная им переходная стадия наступила только в конце 1940-х – начале 1950-х годов¹. Тогда Йонна Вуорио (Jonna Vuorio) в трудовом праве, Осви Лахтинен (Osvi Lahtinen) и Матти Ылюстало (Matti Ylöstalo) при обсуждении общих вопросов гражданского права и Симо Циттинг (Simo Zitting) в праве собственности перенесли центр методологии с концептуальной юридической догматики на так называемую аналитическую юриспруденцию. Естественно, что их предшественниками были представителями Упсальской школы, прежде всего Карл Оливекрона (Karl Olivecrona) и Альф Росс (Alf Ross), но также и включали и других авторов, подобных Йостену Ундену (Östen Undén)².

На финское юридическое мышление также непосредственно влиял англо-саксонский мир. Это происходило из-за роста влияния аналитической философии, которая заняла доминирующее положение после Второй Мировой войны. Ключевыми фигурами в ней были Эйно Кайла (Eino Kaila), а позднее Георг-Хенрик фон Вригт. Последний был близок к ведущим финским теоретикам.

Таким образом, стало ясно, что юридическая наука должна была отделиться от бал ласта концептуальной юридической догматики и формировать способ мышления, который мог бы выполнить требования динамики все более сложного общества собственников, которое открыто признает конфликты интересов.

В Финляндии осуществленный Симо Циттингом анализ понятия прав собственности предложил некоторый вид парадигматической модели

для нового мышления. Циттинг основывал свою работу на известном анализе Хохфельда (Hohfeld) и Альфа Росса, но он применял эти образцовые модели к потребностям финской юридической системы и общества оригинальным и творческим путем³.

Фон Вригт был членом Теоретического кружка, возглавляемого Отто Брусином (Otto Brusiiin).

Я всплыл в этом мире как студент юридической науки в конце 1950-х, и по совету Симо Циттинга в 1959 году начал изучать юридическую теорию Альфа Росса. Этот выбор определил мои методические поиски в течение последующих лет. Фактически, вся моя карьера ученого юриста с тех пор была (со всем должным уважением) дистанцированием от Альфа Росса, которого я все еще считаю самым сильным теоретиком права, когда-либо имевшим влияние на скандинавские страны.

Заканчивая этот обзор, я хотел бы сделать некоторое уточнение. Для моего видения вопросов метода было характерно различие между *обсуждением метода и использованием метода*. Среди других сюжетов, юридическая теория исследует метод юридической науки и юридического мышления в целом. Предметом различия есть метод. Со своей стороны, практик юридической науки использует («применяет») определенный метод, независимо от того, признает ли он это или нет.

Мой интерес к теории юридического мышления, как теоретической, так и практической юридической науки, имеет корни прежде всего в потребностях юридического исследования, которым я занят, и во-вторых, в «неадекватном самопонимании» (inadequate self-understanding), которым я был занят в вопросе о том, что я делаю тогда, когда я систематизирую или интерпретирую законы (юридические нормы). Какова теоретическая природа деятельности, называемой юридической наукой – моя собственная работа?

Так я пришел в область юридической теории, начав с юридической науки. Это было существенным фактором в определении способа, которым я ставил, и буду ставить свои вопросы. Это путешествие также вело к тому, чтобы понять скандинавскую традицию всегда трактовать тео-

¹ Более подробно об этих изменениях см. М. Нейн, *Lainoppi ja metafysiikka. Tutkimus skandinaavisen oikeusrealismin tieteenkuvastaja senator vaikutuksesta Suomen siviilioikeuden tutkimuksessa vuosina 1920–1960* (Юридическая догматика и метафизика. Трактат о парадигме юридического реализма и его воздействии на исследования финского гражданского права в период 1920–1960 гг.), Helsinki, 1988, 276 ff.

² Id., *ibid.*, 199 ff.

³ См. подробнее S. Zitting, «Omistajan oikeuksista ja velvollisuksista I-II» (О правах и обязательствах владельца I-II), *Lakimies*, 1952, 387 ff. и 640 ff., *ego же*, «Omistu, soikeudesta systemaattisena käsitteenä» (О собственности как понятию систематики), *там же.*, 1953, 590 ff.; *ego же*, «Kysymys omistusoikeuden slirtymähetken määräämisestä» (Вопрос об определении переходного момента собственности), *там же*, 1955, 640 ff.

трактовать теоретические вопросы под углом зрения наличия в них практического акцента. Название этой дисциплины, общей юриспруденции (*general jurisprudence*), было рождено по прихоти случая.

Оно связано с тем фактом, что каждый значительный скандинавский теоретик юриспруденции был юристом по образованию. Список внушительен: Альф Росс, Карл Оливекрона, Вильгельм Лундштедт (*Vilhelm Lundstedt*), Пер-Олоф Экельоф (*Per-Olof Ekelöf*), Стиг Йергенсен (*Stig Jergensen*), Торстейн Экхофф (*Torstein Eckhoff*), Александр Печеник (*Aleksander Peczenik*), Стиг Стрёмхольм (*Stig Strömholm*), Отто Брусиин, Каарле Макконен (*Kaarle Makkonen*) и др.

Я не исключаю ту точку зрения, что человек, который не имеет опыта в юридическом исследовании, не может говорить о методе актуальной юридической науки. То, что лежит в основе так называемого *знания деятеля* (*knowledge of the doer*), есть реконструкция опыта исследователя посредством теоретических понятий. В любом случае, очевидно, чтобы быть способным говорить о методе юридической науки, не делая его изложение слишком сухим, следует использовать результаты исследований судей, юристов, администраторов; необходимо быть способным говорить о проблемах, с которыми они знакомы, и делать это, используя язык, который не является для них совершенно чужим.

Точно так, как невозможно испечь ржаной хлеб, используя рецепт для слоеного пирога, так же невозможно предложить методические инструкции некоторой другой науки продуценту юридического знания. Таким было наставление, полученное мной от моих учителей, и которому в течение прошлых тридцати лет, насколько мог, я стремился следовать – путем проб и ошибок, – чтобы выдвинуть свою версию Теоретической Юриспруденции, иными словами, Систематизацию Правил Закона (*the Systematisation of the Rule of Law*).

2.1. Отправной пункт

То, что было представлено выше, хотя в сокращенной форме, показывает, что я начинал свою карьеру в *теоретической юридической науке*. Учитывая преобладающую ситуацию в начале 1960-х, единственным способом ухода от застойной постановки вопросов в наследственном праве было сломать традицию, основанную на германской концептуальной юридической догматике. Вместо того, чтобы делать существую-

щую проблематику все более острой и ясной, вопросы все больше запутывались (*weg turned topsy turvy*). Почему? Ответ простой.

Структура юридической нормы (правила) везде одна и та же: к описанию некоторых наборов обстоятельств (F) присоединяются описания юридических последствий (S). Основная задача практической юридической науки прояснить отношения между фактами и обстоятельствами /юридическими последствиями (F → S). Однако, чтобы быть способным схватить ядро различных юридических явлений, например, прав собственности, разрешения, компенсации ущерба или недействительности (сделки), юридическая наука должна иметь корпус понятий, достаточно адекватных для того, чтобы их дифференцировать. Понятия, которые являются слишком абстрактными или неоднозначными, не позволяют распознать характеристики отношений между явлением факта и последствием. Закон становится, так сказать, непрозрачным. Это было вопросом, поставленным в методологическом повороте после Второй Мировой войны. Я приведу только один пример.

2.2. Кризис в трактовке прав наследования

Классическая германская юридическая наука потратила много энергии впустую при обсуждении того, переходит ли наследство к наследнику в фактический момент смерти, или ли такой переход (*transfer*) происходит впоследствии в некотором будущем моменте времени. Исходным пунктом было то, что переход имеет место в некоторый момент, и таким образом проблема состоит в точном определении этого момента. Аналитическое исследование вообще отбросило эту проблему и заменяло ее другой: что на самом деле значит переход наследства?

Когда проблема определена таким способом, есть несколько возможных ответов, пригодных для определения фактического момента такого перехода. Ядро проблемы состоит не в том, что нет какого-то определенного момента, но что переход наследства, так же как права собственности вообще, является курсом последовательных событий, которые имеют юридическое значение. Согласно этому способу фазового размышления, есть некоторые эффекты, связанные со смертью покойного и некоторые другие, связанные с принятием наследства, точно таким же образом, как при распределении имущества.

Это вопрос целесообразности («вопрос вкуса»), является ли наследование декларированным, чтобы быть переданным от покойного к

наследнику в момент смерти или в более позднем пункте. Решающий фактор есть то, что следует точно иметь в виду под термином «переход», то есть какие именно юридические последствия связаны с какой именно композицией фактов и обстоятельств. В рамках хронологического измерения мы можем говорить о многоуровневом переходе (multi-staged transfer)^{1, 13}.

Даже аналитическая юридическая наука не способна избавиться от юридических понятий. С этой точки зрения она никогда не была в оппозиции к концептуальной юридической догматике. Аналитическая юридическая наука только бросила вызов понятию концептуальной юридической догматики, согласно которому юридические последствия могут быть получены из юридических понятий. Тезис звучит так: содержание юридической нормы не может быть выведено из понятий.

Согласно аналитической юридической науке, понятия – это инструменты для получения более точной системы законов. Как сказал мой учитель Симо Циттинг, должна быть развита способность формулировать требования современного права и общества более точно, чем прежде. Таким образом, новизна состояла в переформулировке вопросов, а не в отбрасывании понятий или в самодостаточной медитации над ними².

В то время такое понимание имело решающий эффект на мою работу. Я ощущал потребность поместить проблематику немецкий концептуальной юридической догматики новым способом. Задача состояла в том, чтобы создать новый, лучше текстурированный корпус понятий, который сделал бы возможным анализ отношений факт–последствия, существенных для права наследования. Более богатый корпус понятий дает – как я думал – более богатые ответы. Только тогда правосудие сможет начинать размышление над предварительными условиями того конкретного общества, к которому оно принадлежит. И если есть что-нибудь в этом роде, то оно существенно, так как юридические понятия должны быть согласованы во всех случаях с соответствующими условиями общества.

¹ A. Aarnio, *Perillisen oikeusasemasta* (О юридическом статусе наследника), 63 ff.

² См., напр., S. Zitting, «Kysymys 'omistusoikeuden siirtymähetken määräämisestä» (Вопрос об определении момента перехода собственности), 664 ff. and id., *Omistajanvaihdoksesta silmälläpitäen erityis[^]sti lainhuu[^]atuksen vaikutuksia* (Об изменении собственности с особым вниманием к воздействию регистрации имущества), Helsinki, 1951, II¹ ff.

С понятиями 1930-х и их сопутствующими вопросами, было невозможно справиться со скандинавской послевоенной действительностью 1960-х. Было и остается существенным принимать во внимание вопросы о предварительных условиях настоящего времени, и если выработан такой навык, юридическая наука способна ответить на вызовы современного общества. Это и было тем теоретическим основанием, на котором строились финские аналитические исследования гражданского права приблизительно с конца 1940-х годов. Это также характеризовало и мой теоретический интерес до начала 1970-х. Помимо фундаментальных вопросов права наследования, мое внимание было обращено к форме и формальностям в юридическом мышлении. Более точно, это вопросы формы, которые образуют интересный предмет для аналитического исследовательского подхода. Как пример, можно привести резюме моих размышлений в начале 1970-х, которое было издано под названием «Формальная неправильность и недействительность юридической сделки»³:

2.3. Внимание к переформулировке вопросов

Как я уже указывал, в начале моей карьеры мой метод был ясно нацелен на переформулирование *основных концептуальных вопросов*. Как гласит фраза, ставшая тогда популярной под влиянием Людвиг Витгенштейна: мир полон ответов, остается найти правильные вопросы. Уничжительная метафора «мухи за стеклом» (fly-on-the-glass-pane) Витгенштейна говорила о том же. Вместо того, чтобы пытаться выпрыгнуть через стеклянную стенку, мы должны найти наш путь из ловушки.

Сказанное выше можно переформулировать таким образом, что состояние финского гражданского права, с одной стороны, и преобразования финского общества, с другой, естественно ведет исследователя 1960-х к общей доктрине закона. Переоценка взглядов, казалось, была некоторой потребностью практики и примерно двадцать лет спустя, когда думали, что важно принять во внимание социальное измерение закона.

Специфической проблемой интереса для меня в начале 1960-х была передача доли в состоянии, или части наследования (the transfer of the share in the estate). Тогда эта тема близко связана со спором немецкого происхождения о том, было ли право совладения делимое или неделимое.

³ «A. Aarnio, «Formal Incorrectness and the Invalidity of a Legal Transaction», *Scandinavian Studies in Law*, 1971.

Если бы думали, что оно неделимо, доля состояния индивидуального наследника была бы наиболее близко сопоставима с долей в товариществе. По своей природе, она подвижна и назначаема (assignable) способом, которым определяется доля. Право собственности на долю передается в самый момент назначения (the assignment), и назначаемый (assignee) замещает назначающего (the assignor) как совладелец имущества. Передача доли в имуществе причиняет передачу всех договорных прав и обязанностей.

Теория делимой, то есть фракционной собственности компании представила проблему таким способом, что каждый из совладельцев имел долю каждого индивидуального объекта, включенного в состояние. Таким образом, передача доли в состоянии равняется передаче доли каждого индивидуального объекта в состоянии, и форма передачи определена согласно тому, движим ли объект или недвижим.

Более детальная экспертиза доказала, что противоречие между этими двумя теориями было частично устранимо, даже при том, что они отличались по требуемой форме передачи. Независимо от деталей противоречия, вся проблема может быть устранена при переформулировке вопроса. Более существенно не спорить о делимости или неделимости совладения, но анализировать:

- как совместное владение сторонами организовано после смерти и перед распределением;
- как начать распределение состояния;
- кто может участвовать в распределении;
- как оспаривать распределение, и т.д.

Каждая из сторон имеет определенное положение в течение всего времени и объединенного владения, и распределения состояния. Эти отношения фактами и последствиями могут быть исследованы непосредственно в свете норм Акта о Наследовании, но только в том случае, если может быть в первую очередь устранена проблема совместной собственности, вызывающей потребность в этой фактически ненужной экспертизе¹.

Вопрос о статусе имущества юридического лица близко связан с анализом юридического положения наследника. Как показал Осви Лахтмен (Osvi Lahtmen), этот вопрос также неправильно ставился². Вместо того, чтобы размышлять

¹ См. более подробно его же, *Perillisen oikeusasemasta* (О юридическом статусе наследника), 104 ff.

² См., в частности, О. Lahtmen, «Till läran om juridiska personer» (О теории юридического лица). *Tidskrift för Rettsvetenskap*, 1949, 47 ff.; его же, «Kuolinpesäkonstruktiosta» (Конструкция наследственного имущества), *Lakimies*, 1955, 112 ff.

о юридической природе посмертного состояния, проблема того, как точно идентифицировать индивидуальных совладельцев (наследники, бенефициарии общего наследства и оставшийся в живых до времени распределения супруг) может быть решена обращением за помощью к официальным удостоверениям и другим юридическим документам, и поэтому нужно рассматривать вопрос, какие отношения преобладают между совладельцами. Таким образом, например, спор о том, можно ли регистрировать название собственности к посмертному состоянию, становится вторичным вопросом.

Также не возможно прояснить положение стороны в ее отношении к состоянию, если не высказываться о понятиях права, обязанности, ответственности, компетентности, обязанности и свободы. Если у вас нет позиции в отношении причинной связи, адекватности, ошибки и других основных понятий права на компенсацию, невозможно сделать соответствующую экспертизу компенсации в ситуациях совместного управления имуществом.

Теоретическая юридическая наука, согласно моему пониманию ее в работах 1960-х и позже, есть анализ этих и связанных с ними понятий. Теоретическая юридическая наука анализирует концептуальные объекты, переклассифицирует понятия, формулирует теории, которые помогают улучшить технику интерпретации юридических норм без увеличения веса теоретического балласта. Проще говоря, теоретическая юридическая наука систематизирует нормы права.

3. Практическая юридическая наука как разъяснение содержания юридической системы

3.1. Устранение препятствий для интерпретации

От признания этого нужен только короткий шаг к идее, которая долго доминировала в моих работах о теории юридического рассуждения и в наблюдениях, относящихся к методу юридического исследования.

Аналитическая юридическая наука обычно пыталась делить традиционные понятия на подпонятия по двум причинам:

(1) чтобы предотвращать дедуцию из понятий, и

(2) чтобы сделать возможной интерпретацию юридической нормы таким способом, что каждое значимое социальное обстоятельство будет учтено.

Для моего способа рассуждения последний

пункт был решающим. Теоретическая юридическая наука высокого уровня (концептуальный анализ, формулировка юридической теории, систематизация) делает возможным для практическую юридическую науку выполнить сформулированные Симо Циттингом высокие качественные требования. Нетрудно найти причины для этого. Понятия походят на линзу, через которую мы наблюдаем «юридическую действительность». Линза не должна искажать образ, который не должен быть неясным или замутненным. Используя другую фигуру речи, через понятия мы можем «схватить» юридическую норму. Если система понятий недоразвита, закон становится непрозрачным, и даже юридическое исследование не сможет «схватить» его. Именно поэтому только точная система понятий, свободных от противоречий, допускает надежную интерпретацию юридической нормы, которая удовлетворит даже конфликтующие юридические интересы.

Эта идея, возможно скромная с современной точки зрения, была началом для теории интерпретации, которую я выделил в моих областях, частично в сотрудничестве с Робертом Алекси и Александром Печеником¹.

3.2. Почему необходима теория аргументации?

Прежде, чем я войду в обсуждение деталей вопроса, я хотел бы напомнить о двух существенных факторах в методе обсуждения.

Теоретические понятия, или еще шире, общая дисциплина права, относятся к инструментарию любого юриста. Даже самый практически-ориентированный юрист должен использовать основные понятия права в их работе. Никто не может решить проблему убытков, не используя понятия причинной связи или адекватности. Таким образом, даже если вы попытаетесь «выдворить» теоретические понятия через переднюю дверь, то в мгновение ока они прокрадутся через заднюю кухонную дверь. Юрисдикция без теории не существует.

Вот почему каждое поколение юристов в римской правовой традиции должно было уделить часть умственного капитала в поддержание некоторого уровня теоретической юридической догматики (юридических доктрин) как общей дисциплины. Таким, и только таким способом можно передать традицию юридического мышления другому поколению. Она не будет передана

¹ См., напр., A. Aarnio, R. Alexy and A. Peczenik, «The Foundation of Legal Reasoning». *Rechtstheorie*, 1981, 133 ffl, 357 ff. and 423 ff.

через заучивание наизусть отдельных дел или их случайных интерпретаций. Если утрачивается внимание к общим юридическим доктринам, понимание существенных характеристик закона также теряется – и, что еще хуже, утрачивается ощущение того, что является правильным и неправильным в человеческих (юридических) отношениях.

Все же интерес, который был зажжен по всей Европе к юридической аргументации – не изобретение философов права. Вопрос стоял не о некотором решении или соглашении между людьми, увлеченных своим хобби к теории, обсудить для немногих интерпретацию и аргументацию специфических суждений в частности. Реальные причины были глубже. Эти причины были освещены – лучше, чем кем-либо еще, как я думаю – Гуннар Берггольцом (Gunnar Bergholtz) в его превосходном исследовании *Разум и Авторитет*.

Главная идея Берггольца сводится к следующему: преобладает ясная корреляция между уровнем демократического развития и требованиями к принятию юридических решений. Требование граждан должным образом аргументированных суждений не остается пустым. Вера в авторитет рухнула, уровень понимания повысился, выросло сознание людей об их собственных правах, и усилилось взаимодействие между людьми. Граждане часто спрашивают: «Почему данное дело было решено таким-то, а не таким-то способом? «Такие вопросы представляют естественный вызов носителям юридической власти².

«Таким образом, интерес к аргументации в юридических решениях возник во всем обществе, а не среди теоретиков. Он был не модой, а фактом, продиктованным социальным развитием. Таким образом интерпретируемая, теория юридической аргументации как раз и была попыткой ответа на вызов социального развития³.

Моя собственная карьера включила все эти интересные опыты. Я имел возможность пережить два различных периода вызова. Первый, относящийся к 1960-м, сделал традиционную теоретическую юридическую науку спорной. Второй, начавшийся в 1970-х, оспорил формально-юридическую традицию интерпретации юридических норм.

² См. G. Bergholtz, *Ratio & Auctoritas. Ett komparativ-rättslikt bidrag till frågan om domsmotiveringens Betydelse främst i tvistemål*. Lund, 1931, 97 ff. and 359 ff.

³ Об этом см напр. A. Aarnio, *Laintulkinnan teoria* (Теория юридической интерпретации), 184 ff.; *ego же*. Reason and Authority. A Treatise on the Dynamic Paradigm of Legal Dogmatics. Aldershot, 1997, 44 ff.

Оба эти периода подняли острое противоречие в Финляндии. С одной стороны, аналитическая юридическая наука стала в оппозицию концептуальной юридической догматике, полученной из немецкого юридического мышления. С другой стороны, современная теория аргументации была противопоставлена легалистской традиции интерпретации.

Если хотите видеть что-нибудь общее в этих двух фронтах, это очень вероятно будет противоречие между стабильностью и эластичностью – формой и содержанием.

Традиционный способ мышления вырос из потребностей статического, формального, аграрного общества. Современное мышление – как теоретическое, так и практическое – применяется к динамическому, сложному обществу, разрушающему традиционную проблематику. В нем юридическое средство индивидуума как части формирует целостность общества, содержание отвергает форму или, по крайней мере, модифицирует представления о роли формы. Все это тесно связано с развитием к государству всеобщего благосостояния. Формы правосудия все еще существенны, они все еще являются центральными ценностями в скандинавском государстве всеобщего благосостояния, но материальное право становится все более и более важным наряду с формой. Именно этот факт, который вынуждает нас переоценивать наши способы мышления, создает для меня потребность в развитии юридической аргументации.

Эти новые меры были почвой, из которой выросла новая теория аргументации, по крайней мере, в Финляндии. Не повторяя того, что было написано об этом предмете в течение последних двадцати лет, я попытаюсь обозначить точку зрения, очень важную для меня.

3.3. Три образа юрисдикции

Начиная с эпохи Средневековья, теоретики права пытались установить статус юридической науки. Сначала это был вопрос определения науки как таковой. Затем был поставлен вопрос о том, какое юридическое исследование удовлетворяет критериям науки. Это была процедура классического (или рационалистического) права природы. Она определяла способ, которым работали великие немецкие классики и ведущие теоретики XX столетия¹. Эти попытки я буду делить на две главных группы, хотя, поступая таким образом, я вероятно

¹ См. его *Laintulkinnan teoria* (Теория юридической интерпретации), 101 ff.

ошибусь в оценке многих прекрасно разработанных теорий. Тем не менее, первую группу я назову *формализмом*, а вторую *реализмом*.

Согласно формалистической теории права, юридическую науку нужно очистить от ценностей и оценок. Ее задача состоит в том, чтобы просто представить альтернативные интерпретации правовых регулятивов и анализировать возможности интерпретации, но не делать выбор между ними. Хотя юридическая наука может описать намерение законодателя, но ни одно описание не может иметь преимуществ перед другими описаниями. Здесь следует упомянуть прежде всего представителя формализма Ханса Кельзена².

Представителем скандинавского реализма был Альф Росс». Отправные философские пункты в его поздних взглядах имели корни в логическом позитивизме. Основная идея Росса состоит в том, что каждое значащее научное предложение может быть прослежено к опыту (предложениям восприятия). Таким образом, научная теория может только включить три вида предложений; логические выводы, предложения восприятия или предложения, логически производные от них. А именно, логика и позитивизм.

На этой основе Росс сформулировал одну из самых блестящих теорий из числа когда-либо предложенных юридической науке. Он начал с общепринятого основного тезиса: цель исследования в юридической догматике – юрисдикция в ее силе. Однако, ответ, который он предложил, радикально отличался от ответа формализма, особенно, от так называемого американского реализма. Здесь мы перейдем к фундаментальному тезису философии права Росса.

Согласно этой теории, юридическая норма работает, когда она спонтанно применена в авторитетном использовании. Будучи сам авторитетом, Росс был непосредственным наблюдателем работы судов закона. Базируемый на этом, ответ Росса мог быть написан в следующей форме: правовая норма работает, если она включена в

² Н. Kelsen, *Puhdas oikeusoppi* (Чистая теория права), Porvoo, 1968, 363 ff., part. 370 ff. и более широко о теории Кельзена S. Laakso, « Puhtaan oikeusopin problematiikkaa» (Проблематика чистой юридической догматики) в *Oikeustiede – Jwisprudentia* (Юридическая наука – Юриспруденция), 1980, 95 ff. и его же *Oikeuden systeemyhteys puhtaassa oikeusopissa. Tampereen yliopiston hallinto-oikeuden laitoksen julkaisu 1/1981*, (Систематическая связь в чистой юридической догматике. Публикация кафедры административного права Университета Тампере 1/1981).

разделяемую большинством судей идеологию¹.

Из этого следует, что задачей исследования юридической науки должно быть изучение методов судов закона. Даже послышки научного юридического мышления должны обратиться к эмпирической сфере. Они должны базироваться на опыте. Следовательно, практика суда становится естественной эмпирической действительностью, которая будет исследована юридической наукой.

Так как простое практическое описание не является адекватной мерой для потребностей науки, Росс развил свою известную прогностическую теорию: задача практической юридической науки состоит в том, чтобы предвидеть поведение судов закона, то есть в установлении того, включена ли некоторая норма в разделяемую большинством судей идеологию. Неудивительно, что даже сам Росс назвал свой способ мышления бихевиористическим идеализмом². Это соединение поведенческого исследования и экспертизы преобладающей нормативной идеологии.

Я не ставлю здесь цели выяснить, может ли программа «сциентификации» Росса быть последовательно реализованной³. Вместе с некоторыми другими теоретиками я настроен скептически относительно этого, и я скорее подозреваю, что теория Росса сильно окрашена герменевтикой и дистанцированием как от логического позитивизма, так и от различных течений реализма⁴.

Независимо того, как следует правильно интерпретировать идеи Альфа Росса, я вижу проблемы в процессах превращения в науку и формализма, и реализма. Мое собственное предложение ответа можно было бы назвать *неореализмом*, используя термин Александра Печеника⁵. Термин сам по себе не обязательно полно-

стью успешен в описании моей теории, но выбор имени не существенен в данном случае. Еще раз о том, что является важным в переформулировке основного вопроса.

Вместо того, чтобы спрашивать, научна ли юридическая наука или нет, нужно спросить, что юридическая наука фактически означает в каждодневной практике исследования. Нельзя отрицать, что юридическая наука – по крайней мере, в любой западной демократии – понимается как практическая область исследования. В социальном разделении труда задача систематизирования юридических правил и прояснения содержания юридической системы, задача интерпретировать юридические нормы выпала на долю юридической науки⁶. Интерес знания преследуется и в системе, и в ее содержании, т.е. требуется знание и системы, и содержания.

Таким образом, юридическое сообщество предполагает получать нормальные рекомендации от юридической науки в самых различных ситуациях. В действительности юридическая наука не удовлетворяла, или, возможно, удовлетворяла частично, просто описывая возможные альтернативы интерпретаций, или предсказывая практики властных инстанций. Ни одно из этих решений не помогло бы, позвольте мне утверждать, работе судов закона.

Судьи не просто интересуются альтернативами интерпретации, и их не заботит знание прогноза того, как они сами собираются действовать. Судья обратился бы к юридической науке для помощи, чтобы разъяснить, как решить в данном случае. К какой норме обращаться в каком случае и каково точное содержание некоторой применяемой нормы? Чтобы выполнять реалистические ожидания юридического сообщества, юридическая наука должна в этой ситуации делать интерпретативные выборы; поскольку в пределах основного факта и обстоятельств X должно наступить юридическое последствие Y.

Если принять этот мирской отправной пункт, и юридическая наука понимается настолько просто, как здесь предлагается – и как обычно в скандинавских странах – первичный теоретический вопрос также изменяется. Не так уж полезно рассматривать, является ли юридическая наука наукой или нет, поскольку ответ в конечном счете зависит от того, как понимается наука вообще. Это не интересует судью, адвоката или непрофессионала, который ожидает слышать практические

¹ См. А. Росс, *Om ret og retfaerdighed* (О праве и правосудии), Copenhagen, 1953.

² М. Helin, *Lainoppi ja metafysiikka* (Юридическая догматика и метафизика), 139 ff., 217 ff. and 238 ff.; M.I.Niemi, *Päämäärien valtakurita. Konventionalistinen analyysi lainopillisen tiedon edellytyksistä ja oikeusjärjestelmän perusteista* (Сфера целей. Конвенционалистский анализ предварительных условий знания в юридической догматике и основании юридической системы), Helsinki, 1996, 68 ff. and А. Aarnio, *Reason and Authority*, 112 ff.

³ А. Росс, *Om ret og retfaerdighed* (О праве и правосудии), 85 ff.

⁴ Эту особенность подчеркнул Markku Helin, см. М. Helin, *Lainoppi ja metafysiikka* (Юридическая догматика и метафизика), 169 ff., partic. 176 ff. and А. Aarnio, *Reason and Authority*, 120 ff.

⁵ См. А. Peczenik, *Juridikens metodproblem* (Проблема юридического метода), Stockholm, 1974, 26.

⁶ О структуре норм см. А. Aarnio, *Laintulkinnan teorin* (Теория юридической интерпретации), 65 ff.

ответы¹. Вопросы о научной природе юридической науки бесполезны, когда речь идет о социальном предназначении юридической науки.

То, что действительно является существенным – это готовность юридической науки в любое данное время ответить на вопросы, поставленные юридическим сообществом, или, еще шире, гражданским обществом: «Почему мы должны поступать именно таким образом?». Чтобы ответить на этот вопрос, юридическая наука должна разработать основательные аргументы относительно содержания юридической системы. Это – единственный путь, которым юридическое сообщество может получить ответы для его «почему-вопросов», так как это единственным образом означает контроль над тем, является ли позиция, занятая юридической наукой, верной установкой или случайной прихотью, производной от случайного источника.

С этой точки зрения в равной степени представляет мало интереса знание того, являются ли позиции юридической науки единственно правильными. Самое существенное – быть способным оценить, насколько хорошо аргументированы эти точки зрения, принимая в расчет все аспекты².

В этом месте юридическая теория сталкивается лицом к лицу с новым вызовом со стороны юридической аргументации. Помимо систематизации, аргументация была другим краеугольным камнем моего методологического интереса. Моя цель состояла в том, чтобы разработать такие правила игры, чтобы, следуя им, было бы возможно понять идеал рассуждения в юридическом сообществе³.

Так как юридическая теория не есть эмпирическая наука, для нее недостаточно только описывать пути интерпретации в области юридической догматики. Она стремится к построению модели *хорошей аргументации*. Аргументация – ядро всякой теории, и теории юридической науки точно так же, как и в теоретической физике или в социальных науках.

Эта модель – или ее контур – постепенно развивалась за прошлые три десятилетия. Чтобы кратко описать историю порождения и разработки

содержания этой модели, я хотел бы разделить ее на четыре характерных части.

(I) Модель дедукции, представленная легализмом – формалистична. Согласно ей, юридическое решение есть силлогизм, в котором заключение получено из двух посылок⁴. С одной стороны, поскольку я отметил выше, для легализма характерно ограничивать источники права. Право и его литературная интерпретация есть те отправные пункты, так же как литературная интерпретация законов, и целью законодателя есть обеспечить дополнительное знание. Но, с другой стороны, позиция относительно решений суда неопределенна.

Размышляя над этим фоном, новая риторика, начатая Теодором Фивегом и позже развитая в надлежащую теорию Хаимом Перельманом, привела к новому открытию в финской теории юридической аргументации в 1960-х.⁵ Идеи Стивена Тулмина, которые были сначала принесены в финский дискурс Ларсом Эриксоном (Lars D. Erikson), имели влияние на то же направление⁶.

Если мы учитываем эффект, который это произвело на финское мышление, мы находим два элемента в ядре новой риторики. Прежде всего, было преодолено традиционное разделение между дедукцией и индукцией. Аргументация, вслед за логической дедукцией и индуктивным обобщением, уравнивала правильное рассуждение. Здесь и Фивег и Перельман воздали должное древнему аристотелевскому понятию практического силлогизма и топологии.

Перельман заявил другой центральный пункт новой риторики, отмечая, что в юридической и моральной аргументации вопрос заключается не столько в обосновании, сколько в убеждении. Аргументация означает, что разуму позволено

⁴ О силлогизме см. R.R. Alexy, *Theorie der juristischen Argumentation*, Frankfurt-on-Main, 1978, i 273 ff. и E. Backman, *Oikeudellisen ajattelun loogisista perusteista* (О логическом базисе юридического мышления), *Lakimiesi*, 1970, 1037 ff. См также А. Аарньо, *Ldki, tekoja tavoite* (Закон, действие и цель), Forssa, 1975, 123 ff.

⁵ О новой риторике см. С. Perelman, *Retoriikan valtakunta* (Сфера риторики), Тампере, 1996. Относительно юридического мышления, см., например, А. Аарньо, *Oikeussäännösten tulkinnasta* (Об интерпретации правовых кодексов), 190 ff.

⁶ L. D. Eriksson, «Rättslig argumentering och den dialektiska logiken» (Юридическая аргументация и диалектическая логика). *Tidskrift utgiven av Juridiska föreningen i Finland*, 1996, 445 ff. См также S. Toulmin, *The Uses of Argument*, Cambridge, 1958; S. Toulmin, R. Rieke and A. Janik, *An Introduction to Reasoning*, New York, 1979.

¹ А. Аарньо, *Oikeussäännösten tulkinnasta* (Об интерпретации правовых законов), Helsinki, 1982, 197.

² В более широком смысле см. А. Peczenik; *Vad är 'fätt? Om demokrati, rättssäkerhet, etik och juridisk argumentation* (Что такое право? О демократии, юридической определенности, этике и юридической аргументации), Stockholm, 1995, 676 ff.

³ См. А. Аарньо, *One Right Answer and the Majority Principle* 'W.R.S.P.', 1994, 36 ff.

говорить¹. Ворота для развития теории аргументации открылись.

(2) Примерно в то же время набирала силу в Финляндии поздняя лингвистическая философия Людвиг Витгенштейна. Главным новшеством этой теории был перенос фокуса от картинной теории языка к использованию языка. Понятие языка как игры, как формы действия, стало центральным.

Представляется очевидным, что лингвистическая философия Витгенштейна могла формировать *философскую* основу для прагматики юридического языка. Это было возможно видеть вопросы о подтверждении юридических пунктов, предварительных условий, достоверности и социальной степени языка в новом свете².

(3) Доктрина источников права стала все больше обсуждаться в скандинавской юридической теории. Работа Александра Печеника «Проблема юридического метода» имела значительное воздействие на это обсуждение. В случае Финляндии нужно также упомянуть критический анализ Каарле Макконена (Kaarle Makkonen), направленный на практику обоснования суждений суда. Макконен был первым, кто обратил внимание на отсутствие обоснований. В его диссертации он анализировал различные способы обоснования суждения суда и таким образом создал базис для теории юридической аргументации в Финляндии³.

(4) Последней стадией в этом развитии была идея, основанная на коммуникативной теории *процедурной* аргументации Юргена Хабермаса⁴. Среди других проблем, Хабермас подчеркнул характер аргументации как процесса. Основываясь на этом, Роберт Алекси представил свою известную теорию юридической аргументации⁵.

Если четыре элемента, описанные выше, принять за несущие колонны современной теории аргументации, мы могли бы закончить чем-то вроде следующего.

Юридическая аргументация есть процесс, который использует некоторые основания (источники права) и который предписан убедить противоположную сторону (аудиторию) об обоснованности решения или интерпретации. На основе этого я сформировал регулятивный принцип: аргументируйте ваше требование таким способом, чтобы как можно больше членов юридического сообщества, из тех, кто, рассматривая вопрос рациональным способом и принимая во внимание все возможные аспекты вопроса, могло принять ваше требование⁶.

Таким образом, цель аргументации – ее рациональная приемлемость. Задача теории аргументации состоит в том, чтобы определить процесс рассуждения таким способом, чтобы согласие с его регулятивным принципом стало возможным.

Очевидно, что регулятивный принцип и стоящая за ним модель аргументации – только идеалы. Они есть модели, подобные парижскому Метру как модели для каждого метра в мире. Проблема с моделью аргументации состоит не в том, что она является только идеалом или моделью. Даже при учете ее ограничений и абстрактности она имеет значение *директивы*. Она приблизительно демонстрирует то, что было бы хорошим аргументом в обществе, или, другими словами, аргументом, который производит правдоподобные (легитимные) результаты.

Модель направляет внимание к рациональности рассуждения, к тому факту, что она является рассмотрением, в котором представлены аргументы *за* и *против* (дискурс), а не силлогистическая дедукция. Однако модель подчеркивает и тот факт, что степень доверия к заявлению зависит от материальных факторов, так что и результат ее применения должен также быть материально приемлем.

Аргументация, которая удовлетворяет этим предварительным условиям, приводит к их взаимному укреплению. И «лучшая» аргументация – та, которая берет все аспекты в рассмотрение и формирует последовательное их единство⁷. Воп-

¹ См. С. Perelman, Chaim, *Retoriikan valtakunta* (Сфера риторики), 16 ff., part 24 ff. и А. Aarnio, *Reason and Authority*, 214 ff.

² См. А. Aarnio, *Oikeuskielen tulkinta ja ymmärtäminen. Näkökulma Wittgensteinin myöhäisfilosofiaan* (Интерпретация и понимание юридического языка с позиций поздней философии Витгенштейна) в *Oikeus, kielija kritiikki* (Право, язык и критика), А. Hirvonen and К. Kaarlo (eds.), Helsinki, 1990, 99 ff.

³ См. К. Makkonen, *Ajatuksia juridisen kielen loogisesta, analyysistä* (Мысли о логическом анализе юридического языка), *Lakimies*, 1959, 49 ff.

⁴ Его же, *Zur Problematik der juristischen Entscheidung* (*К проблематике юридического решения*), Turku, 11965, part 122 ff. and 218 ff. См. также его же *Luentoja yleisestä oikeustieteestä* (Лекции по общей юридической науке), Хельсинки, 1981 154 ff.

⁵ See R. Alexy, *Theorie der juristischen Argumentation*, 134 ff. и К. Tuori, *Modemin oikeuden ytimessä* (В ядре

современного правосудия), *Oikeus*, 1993, 2 ff.; М. Kusch, *Ymmärtämisen haaste* (Вызов пониманию), Oulu. 1986, 197 ff.

⁶ R. Alexy, *Theorie der juristischen Argumentation*, 259 ff.

⁷ О когерентности см. А. Peczenik, *Vad är rätt?* (Что такое право?), 571 ff.

реки распространённому убеждению, рациональная приемлемость – не просто идеальное понятие, хотя рациональность рассуждения действительно устанавливает некоторые идеальные требования (стандарты) к процессу оценки. В этом суть требования рациональности. Произвольная и случайная деятельность, не отвечает нашим ожиданиям того, что есть право и юридическое принятие решения. Другая сторона регулятивного принципа относится к используемым аргументам, к источнику права. Вопрос заключается в рациональном использовании этого источника в юридической аргументации; через юридический источник модель связана с юридической действительностью. Следовательно, нельзя утверждать, что регулятивный принцип является «чисто» идеальным.

Если понимать юридическую аргументацию таким образом, ее можно сравнить с решением мозаичной головоломки. Принципы юридической интерпретации и рационального усмотрения являются правилами игры, частью которой есть юридические источники. Чем больше унифицирована игра, тем больше доверия к аргументации.

Однако по сравнению с обычной мозаикой юридическая головоломка имеет одно дополнительное и специфическое качество. В юридической головоломке окончательный образ игры не может быть заранее распознан. Образ, который будет построен, неизвестен. Он станет очевидным в течение игры. Именно это делает юридическую интерпретацию и принятие решения настолько трудными. Никто не может сказать заранее, что является заслуживающим доверия аргументом.

Решающий фактор в решении юридической головоломки – *последовательность* решения. Юридические источники должны формировать однородную сущность, но наше понятие права построено таким способом, что мы не желаем принимать за основу произвольную последовательность (типа вытягивания лотов). Это возможно так только в каком-то отдельном случае, но понятие правосудия предполагает рациональную аргументацию, а не произвольность. Вот почему решение головоломки объединяет рациональность рассуждения и последовательности решения.

Даже хорошо интерпретированное утверждение или решение суда остаются только своего рода экспериментальным шаром, который запущен в юридическое сообщество для оценки. Если он проходит, утверждение или решение принимается, и аргументация признается (достаточно) убедительной. В противном случае интерпретация или решение не получают легитимации в юри-

дическом сообществе.

Тот факт, что идентификационные отметки доверия не могут быть недвусмысленно определены, не имеет фатальных последствий для юридического обдумывания. Следование регулятивному принципу ведет ученого и судью к созданию наиболее приемлемых решений. Это – максимум, которого можно потребовать от юридической догматики и принятия решений.

Следует со смирением признать, что право создано человеком, исследуется человеком, и понимается человеком. Закон пишется созданным человеком языком, и результаты его исследования, а также сделанные им суждения, представляются в форме этого языка. Ученый и судья – узники языка. Никто из них не есть всемогущий Геркулес–Исследователь, Геркулес–Судья. Мы живем среди людей, и мы обладаем только человеческими силами для того, чтобы реализовать право. Об этом, и только об этом говорит регулятивный принцип.

4. Вместо заключения

Ответ на вопрос, скрытый названием, двойствен. Мой метод основан на двух поддерживающих его столбах – на теоретической и практической юридической науках.

Метод первой есть анализ понятий. Чем богаче корпус юридических понятий, тем более многообразными становятся способы, которыми мы можем изложить возникающие перед нами вопросы. И когда эти вопросы становятся более разнообразными, образ содержания юридической системы также становится более богатым.

Таким образом, теоретическая юридическая наука пытается открывать концептуальные возможности для вопросов, с которыми практическая юридическая наука должна столкнуться. Это вопросы о юридических фактах и обстоятельствах/юридических последствиях. Проще говоря, это вопросы интерпретации и применения закона. Именно поэтому метод практической юридической науки есть метод аргументации.

Чем больше доверия вызывает юридическая наука в убеждении членов юридического сообщества об обоснованности ее интерпретативных утверждений, тем более сильной будет легитимность, которую она поддержит как дисциплина и в юридическом сообществе и в обществе. Любая юридическая наука, которая пытается двигаться вперед, используя неясные понятия, полагаясь только на свою власть и одновременно испытывая недостаток в дискурсе, быстро достигнет

конца ее дорожки.

На таком понимании юридического мышления построен мой метод с его ограничениями и возможностями.

Библиографическая информация о работах А. Аарньо

I. Монографии

1. *Perillisen oikeusasemasta* (О юридическом статусе наследника), Porvoo, 1967 (включая *Zusammenfassung*).

2. *Kysymyksiä testamenttioikeuden alalta* (Вопросы наследственного права), Vammala, 1969 (включая *Zusammenfassung*).

3. *Luentoja perintöoikeudesta I* (Лекции о наследственном праве I), Vammala, 1970.

4. *Oikeudellisen ajattelun perusteista* (Об основах юридического мышления), Vammala, 1971.

5. *Luentoja perintöoikeudesta II* (Лекции о праве наследования II), Vammala, 1971.

6. *Jälkisäädökset* (Завещание), Vammala, 1972.

7. *Perintöoikeus* (Наследственное право), Vammala, 1974.

8. *Laki, tekoja tavoite* (Закон, акт и цель), Forssa, 1975.

9. *Jälkisäädökset* (Завещание), Vammala, 1975.

10. *On Legal Reasoning*, Loimaa, 1976. (О юридическом рассуждении).

11. *Aviovarallisuusjärjestelmät* (Community property systems), Helsinki, 1978. (Системы коммунальной собственности), Хельсинки, 1978.

12. *M.Mitälainoppion?* Helsinki, 1978. (Что такое юриспруденция?)

13. *Denkweisen der Rechtswissenschaft* (Vienna), 1979.

14. *Oikeussääntösten tulkinnasta* (Об интерпретации законов), Helsinki, 1982.

15. *Suomen avioliittooikeus* (Finnish matrimonial law) Jyväskylä, 1983 финское законодательство о браке (совместно с Sami Mahkonen).

16. *Maatilan sukupolvenvaihdos* (Передача фермы к потомку), Jyväskylä, 1983 (совместно с Ahti Saarenpää and Pekka Santala).

17. *Suomen jäämistöoikeus I* (финское наследственное право I), Jyväskylä, 1983 (с Urpo Kängas).

18. *Suomen jäämistöoikeus* (финское наследственное право II), Jyväskylä, 1991.

19. *Suomen avioliittooikeus* (финское брачное законодательство), Jyväskylä, 1993 (с Markku

Helin).

20. *The Rational as Reasonable*, Dordrecht, 1987. (Рациональное как разумное).

21. *Lo racional como razonable*, (20 нв исп яз.) E. Garzón Valdes (transl.), Madrid, 1991.

22. *Le rationnel comme raisonnable*, G. Warland (transl.), Brussels/Paris, 1992. (20 на франц. языке).

23. *Avoliittolain muutetut säännökset* (Пересмотр законов об акте о браке), Tampere, 1988 (с Markku Helin).

24. *Laintulkinnan teoria* (Теория юридической интерпретации), Juva, 1989.

25. *Perunkirjoitusopas* (Руководство к описанию имущества покойного), Jyväskylä, 1996 (с Urpo Kängas и Pertti Puronen).

26. *Juridisk argumentation* (Юридическая аргументация), Стокгольм, 1990 (с A. Peczenik and G. Bergholtz).

27. *Avioliitto, perintö ja testamentti* (Брак, наследование и завещание), Jyväskylä, 1994 (с Urpo Kängas).

28. Шведское издание 27-й работы *Äktenskap, arv och testamente*, Jyväskylä, 1995.

29. *Derecho, racionalidad y comunicacion social. Ensayos sobre filosofia del derecho*, Mexico D.F. 1995.

30. *Reason and Authority. A Treatise on the Dynamic Paradigm of Legal Dogmatics. (Разум и Власть. Трактат о Динамической Парадигме Юридической Догматики)*, Aldershot, 1997.

II. Эссе и сборники статей

1. *Legal Point of View*, Helsinki, 1978 (Юридическая точка зрения, Хельсинки, 1978).

2. *Philosophical Perspectives in Jurisprudence*, Helsinki, 1983 (Философские перспективы в Юриспруденции)

3. *Murusia matkan varrelta* (Заметки и популярные наброски) Tampere, 1985.

4. *Sankarit vaillq siipia* (Герои без крыльев), Tampere, 1985.

5. *Lain ja kohtuuden tähden* (Ради права и рациональности), Juva/Porvoo, 1986.

6. *Wegen zu Recht und Billigkeit. Vorträge und Aufsätze* (Дороги к праву и рациональности. Заметки и наброски) Berlin, 1988.

7. *Hämärässä faulaa punakylkirastas* (Redwing sings in the twilight), Tampere, 1987.

8. *Silmäyksiä* (Взгляды), Tampere, 1989.

9. *Järkija äktoiteetti. Puhuttuaja kirjoitettua vuosiflu 1988–1994* (Разум и власть. Слова и мысли 1988–94), Tampere, 1994.

10. *Kohtaamisia. Lehtikirjoituksia vuosilta*

1994–95 (Столкновения. Газетные статьи 1994–95), Tampere, 1995.

11. *Sirpaleita* (Фрагменты), Tampere, 1997.

12. *Ajatuksia Johannes Richterin varjossa*. (Мысли в тени Иоханнеса Рихтера), Tampere, 1998.

A. Aarnio

**СИСТЕМАТИЗАЦІЯ І ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЗАКОНІВ.
ДЕКІЛЬКА ДУМОК ПРО ТЕОРЕТИЧНУ І ПРАКТИЧНУ ЮРИДИЧНУ НАУКУ**

Переклад праці А. Аарніо *The Systematisation and Interpretation of Statutes. Some Thoughts on Theoretical and Practical Legal Science*.

A. Aarnio

**THE SYSTEMATISATION AND INTERPRETATION OF STATUTES.
SOME THOUGHTS ON THEORETICAL AND PRACTICAL LEGAL SCIENCE**

A translation into Russian a work by Aulis Aarnio «The Systematisation and Interpretation of Statutes. Some Thoughts on Theoretical and Practical Legal Science».